

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.14>

«ВИСЫ РАДОСТИ» В ПЕРЕЛОЖЕНИИ А. К. ТОЛСТОГО. СУДЬБА СЮЖЕТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА

Научная статья

Снегирев И.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1752-6071;

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (snegirev_ia[at]pfur.ru)

Аннотация

В статье рассматривается переложение А. К. Толстым «Вис радости» Харальда Хардрåde, получившее в его варианте заглавие «Песнь о Гаральде и Ярославне». С точки зрения методологии основной акцент сделан на жанровом подходе, раскрывающем темы приращения и модификации сюжета, которые произошли в его тексте по сравнению с текстом оригинала и другими вариантами бытования этого текста в русской литературе. Значительное место уделено истории переводов и переложений «Вис радости» на русский язык и особенностям восприятия этого текста. Вариант А. К. Толстого сопоставляется, прежде всего, варианту Н. М. Карамзина и К. Н. Батюшкова. Кроме того, «Песнь о Гаральде и Ярославне» помещается в более широкий контекст творчества А. К. Толстого и его историософских поисков.

Ключевые слова: поэтика, компаративистика, история литературы.

"BALLADES OF JOY," AS TRANSCRIBED BY A. K. TOLSTOY. THE FATE OF THE STORY THROUGH THE PRISM OF THE GENRE

Research article

Snegirev I.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1752-6071;

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (snegirev_ia[at]pfur.ru)

Abstract

The article examines A. K. Tolstoy's adaptation of Harald Hardråde's "Ballades of Joy", which in its version is titled "The Song of Harald and Yaroslavna". From the point of view of methodology, the main emphasis is made on the genre approach, revealing the themes of plot additions and modifications which took place in his text in comparison with the original text and other variants of this text in Russian literature. Much consideration is given to the history of Russian translations and transpositions of "Ballades of Joy" and specifics of perception of this text. Tolstoy's version is compared, firstly, with the versions of N. M. Karamzin and K. N. Batiushkov. Moreover, "The Song of Harald and Yaroslavna" is placed in a wider context of A. K. Tolstoy's works and his historiosophic search.

Keywords: poetics, comparativism, history of literature.

Введение

Едва ли какому-то еще тексту, сочиненному скальдами, была суждена такая долгая и непростая жизнь в русской литературе, как «Висам радости», которые приписывают Харальду Хардрåde (*Hardråde – Суровый, однако часто на русский язык его прозвище переводили как Смелый*).

Стеблин-Каменский указывал, что: «Всего на русский язык было сделано 9 переводов этого текста, в том числе, переводы Н. А. Львова (1793), И. Ф. Богдановича (1810), Н. М. Карамзина (1818) и А. К. Толстого (1869)». Как отмечает Стеблин Каменский, все эти переводы были выполнены с французского и латинского, и большинство из них – очень вольные пересказы [8, С. 172].

Т. Н. Джаксон, уже в современном исследовании, указывает, что число переложений «Вис радости» Харальда достигает полутора десятков [4, С. 128].

К числу таких относится и баллада А. К. Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне». В данном случае, можно отметить своеобразный парадокс. Очень часто текст Толстого относят к числу вольных переводов «Вис Радости» (а на деле вольной интерпретации Малле этого текста), однако даже при самом свободном подходе это нельзя считать верным. Прежде всего, потому что Толстой не переводил текст (или не переписывал уже известный перевод), он фактически сочинял его заново.

Вместе с тем, включая текст А. К. Толстого, Т. Н. Джаксон сопровождает его следующим текстом: «Баллада А. К. Толстого представляется мне настолько совершенной и цельной, что я предлагаю ее читателю без сокращений» [4, С. 134].

Таким образом, в версии А. К. Толстого сходятся две, казалось бы, противоположные тенденции – его версия далека от прочих переводов и в то же время оказывается парадоксально близкой оригиналу и невероятно сильной по уровню своего художественного воплощения.

Представляется, что сам механизм переработки поэтом оригинального сюжета может быть объяснен через несколько причин, в числе которых представляется важным указать жанровую трансформацию, связанную с особенностями баллады А. К. Толстого.

Методологические предпосылки исследования

В русской теоретической традиции существует противопоставление двух типов баллад – французской и англо-шотландской. Так, фиксирует эту двойственность «Литературная энциклопедия терминов и понятий»:

«БАЛЛАДА (фр. ballade, от прованс. balada — танцевальная песня) — 1. Твердая форма французской поэзии 14–15 вв.: три строфы на одинаковые рифмы (ababbcbc для 8-сложного, ababbccdd для 10-сложного стиха) с рефреном и заключительной полустрофой — «посылкой» (обращением к адресату). Развилась из скрещения северофранцузской танцевальной «баллеты» и провансальско-итальянской полуканцоны. Яркие образцы — в поэзии Ф.Вийона. Распространение за пределами французского Средневековья получила лишь в стилизациях (В.Я.Брюсов, М.А.Кузмин и др.);

2. Лиро-эпический жанр англо-шотландской народной поэзии 14–16 вв. на исторические (позднее также сказочные и бытовые) темы — о пограничных войнах, о народном легендарном герое Робине Гуде (сходны с романсом испанским, некоторыми видами русских былин и исторических песен и немецкими народными песнями, впоследствии тоже названными Б.) [2, С. 69]».

Содержательно, эта дефиниция очень близка к той, несколько наивной, но довольно интересной характеристике, которую приводит Николай Степанович Гумилев в своем предисловии к балладам Саути: «История литературы знает два типа баллад — французский и германский. Французская баллада — это лирическое стихотворение с определённым чередованием многократно повторяющихся рифм. Баллада германская — небольшая эпическая поэма, написанная в несколько приподнятом и в то же время наивном тоне, с сюжетом, заимствованным из истории, хотя последнее необязательно. Баллады Саути принадлежат именно к этому типу» [3, С. 8].

Собственно, формально именно к балладам Роберта Саути и восходит жанр русской романтической баллады, формировавшийся на основе переводов Жуковского, с той лишь существенной разницей, что фольклорная традиция, еще сохранявшаяся у английского поэта, вовсе не осознается у русского.

При этом в Литературной энциклопедии 1925 года роль А. К. Толстого в разработке жанра русской баллады подчеркивается отдельно: «Особенно культивировал этот жанр Алексей Толстой, называвший те из своих баллад, в которых он обрабатывал темы родной старины, былинами («Алеша Попович», «Илья Муромец», «Садко» и др.)» [1, С. 93].

Действительно, даже в ранних своих произведениях, казалось бы, чисто лирических по интенции, А. К. Толстой тяготел именно к нарративу. Подтверждением могут служить повествовательные фрагменты таких стихотворений, как «Колокольчики мои» и «Ой стоги, стоги». Таким образом, обращение А. К. Толстого именно к балладе «немецкого» типа было полностью закономерным в контексте эволюции авторской поэтики. Именно это обращение и привело его к сюжету о Харальде Хардраде и дочери Ярослава Мудрого, и оно же определило его модификацию.

Основные результаты

Однако, прежде чем рассматривать то, как этот сюжет реализовался в творчестве А. К. Толстого необходимо кратко описать историю его бытования в русской литературе, охарактеризовав тот путь, на котором «Висы радости» стали частью литературной традиции. В задачи данного исследования не входит описание всех переводов и переложений данного текста, однако необходимо выделить некоторые ключевые точки, предшествовавшие появлению текста А. К. Толстого. Представляется закономерным обозначить следующие фазы: написание оригинального текста, появление французского перевода Поля Анри Малле, благодаря которому текст стал доступен для читателя, появление русского перевода текста Малле, прозаический перевод Н. М. Карамзина и его комментарии к данному сюжету, и, наконец, вольный перевод К. Н. Батушкова, который стал самым известным вариантом данного сюжета на русском языке. Подобный анализ, безусловно, не будет исчерпывающим, однако представляется достаточным, чтобы охарактеризовать судьбу «Вис радости» в русской литературной традиции XIX века.

Происхождение этого стихотворения, равно, как и его полный текст, не вполне прояснено. В «Круге земном» Снорри Стурлусона упоминаются некие «Висы Радости», цикл вис, которые сказал Харальд, когда возвращался из Константинополя (около 1040 года). Всего вис было шестнадцать, все они были с одинаковым припевом, который в русском переводе «Круга земного» дан как: «Герд монет в Гардах / Знать меня не хочет» (Герд монет – кеннинг со значением женщина) [9, С. 883]. Однако в тексте Стурлусона приводится лишь одна из этих вис. В других источниках приводится шесть строф из упоминавшихся шестнадцати, якобы сочиненных Харальдом [4, С. 128].

Надо отметить, что в авторстве этого текста высказывались сомнения, тем не менее, известно, что Харальд был скальдом, известен и ряд вис, авторство которых вызывает меньше возражений. Однако данный вопрос не является принципиальным для настоящей статьи, поскольку для поэтов XIX в. подобная атрибуция (а также сведения о подвигах Харальда) считалась очевидной и не подлежащей сомнению.

В сохранившихся висах Харольд Хардрада, будущий король норвежский, возвращаясь из Византии в Киев, рассказывает о своих подвигах, завершая каждую вису рефреном, сообщающим об отсутствии склонности со стороны Елизаветы (Эллисив саг), дочери князя Ярослава Мудрого (конунг Ярицлейв в сагах). Сама по себе любовная лирика не была чем-то уникальным для скальдической поэзии. Существовал даже особый жанр – мансёнг, однако он носил несколько иной характер, чаще повествуя о любви запретной, в виду чего был даже запрещен исландскими законами наряду с нидом (хулительной поэзией). Текст же «Вис радости» более близок к представлению о любви XIX в., а, кроме того, содержит отчетливый мотив любовной тоски, столь характерной для позднего сентиментализма. Вероятно, именно это, а также очевидная русскость темы – любовь норвежского викинга к русской красавице и привлекло к нему внимание русских литераторов.

В качестве посредника выступил перевод «Вис Радости» на французский язык, выполненный швейцарским историком Полем Анри Малле и включенный им в книгу «Введение в историю Дании» («Histoire du Danemarch»). На русский язык книга была переведена Федором Моисеенко полный текст перевода вышел в 1785 году [8, С. 172]. Однако интересующий нас перевод первой части, содержащий попытку прозаического переложения «Вис Радости» был напечатан несколько раньше – в 1778 году, в «Санктпетербургском вестнике» как часть рецензии на фрагменты перевода Ф. Моисеенко [4, С. 129].

Почти сразу же после публикации перевода Малле история любви Харальда Хардреды к Елизавете Ярославне привлекла внимание русских поэтов, прежде всего, поэтов львовско-державинского круга [6], а после и карамзинистов.

Более того, эта история нашла свое отражение и в «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, которая, по-видимому, и послужила основным источником для А. К. Толстого. В письме от 7 февраля 1896 года он сообщил Маркевичу, что во время разысканий о «норманнском периоде нашей истории натолкнулся на факт вполне известный, но весьма мало использованный, а именно – замужество дочерей Ярослава» [10, С. 795]. Далее в письме следует пересказ именно карамзинской «Истории...».

Прочие источники для него выступили подтверждением его авторской правоты. Как он сам пишет: «Уже окончив стихотворение, достал «Историю Дании» («Geschichte von Danemark») Ф. Дальмана и нашел в ней «подтверждение некоторым деталям, написанным по интуиции» (письмо к Маркевичу от 26 марта 1869 г.)» [10, С. 795].

Карамзин описывает судьбу «Гаральда, Принца Норвежского» следующим образом: «В юности своей выехав из отечества, он служил Князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу Императора Восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения Святым Местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался Королем Норвежским» [5, С. 23-24]. Как видно из приведенной цитаты, автор «Истории государства российского» делает акцент именно на романтической стороне союза, и, вместе с тем, в значительной степени опускает политический аспект брака. Женившись на дочери Ярослава Мудрого, Харальд не только приобретал сильного союзника в лице киевского князя, но и опосредованно, через Ингигерду, мать Елизаветы, дополнительный повод к союзу с прочими правителями Скандинавии, как на то указывает Снорри Стурдусон: «Олав Шведский конунг шведов, был отцом матери Эллисив, жены Харальда, а мать Свейна Астрид была сестрою Олава конунга. Харальд и Свейн вступили в дружбу и заключили союз. [9, С. 886]». Однако из очевидно, что Карамзина, в гораздо меньшей степени, чем Снорри Стурдусона, интересуется политический подтекст брака.

В примечаниях к данному фрагменту основного текста Карамзин дает более расширительную характеристику, останавливаясь, прежде всего на поэтическом даре: «Будучи не только герой, но и стихотворец, Гаральд в своих походах сочинил 16 песен, из коих всякая заключалась воспоминанием о любезной дочери Ярославовой; на пример: «Мы видели берега Сицилии, и плавая на быстрых кораблях, искали славы, для того, что смелые подвиги воинские лучше бездействия, и чтобы заслужить любовь Русской красавицы» [5, С. 206]. Далее идет полный прозаический перевод с французского перевода Малле, после которого автор «Истории...» считает нужным добавить следующее уточнение: «Елисавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц» [5, С. 206]. Таким образом, в изложении Карамзина сюжет саги оказывается вписан в абсолютно чуждую ей традицию куртуазной поэзии, Харальд же соотносится с образом скорее поэта-трубадура. Наименование «нежный рыцарь», которое дает ему автор, лишь подчеркивает и усиливает это соотношение. Подвиги Харальда в таком прочтении оказываются частью рыцарского квеста, а комплекс взаимоотношений между Харальдом и Елизаветой – традиционной куртуазной игрой в недоступную даму и верного рыцаря. Важный участники политики раннего Средневековья, значимый персонаж саг оказывается схож даже не с Оссианом Макферсона, а с Ланселотом рыцарских романов. При этом Карамзин домысливает чувства дочери Ярослава Мудрого, однозначно истолковывая их как взаимность по отношению к будущему норвежскому королю.

Изначально выраженный скорее имплицитно мотив любовной тоски у Карамзина предстает в виде любовной игры в куртуазном духе.

Однако для понимания специфики текста А. К. Толстого важно понимать не только, как этот сюжет нашел свое выражение у Карамзина, но и то, как он отражен в переложении К. Н. Батюшкова «Песнь о Гаральде Смелом».

Т. Н. Джаксон не без некоторого основания характеризует текст К. Н. Батюшкова как «яркий образец героической баллады» [4, С. 133]. Однако современниками этот текст был воспринят иначе – в качестве любовной элегии со специфической элегической тоской, вполне в духе прозаического описания этого сюжета Н. М. Карамзиным. Неслучайно потом именно текст Батюшкова стал основой для жанровых игр Пушкина в «Руслане и Людмиле» [7, С. 30].

Именно в тексте А. К. Толстого актуализируется эпическая составляющая этого сюжета. Он в большей степени, чем Батюшков сосредоточен на описании не чувств, а событий. Он превращается текст, где герой сам повествовал о своих победах (и не через событийный ряд, а через набор эмоций) в балладу, где о победах рассказывается.

Эта трансформация отражена уже в заглавии. Там, где у Батюшкова «Песнь Гаральда Смелого», там у Толстого «Песнь о Гаральде и Ярославне». Подобная замена отражает и превращение лирического монолога элегии в нарратив баллады, и то, что Ярославна из некоего мотива тоски лирического героя превращается в персонажа баллады. Кроме того, стоит заметить, что трансформация имени у Толстого – Ярославна (вместо «дева русская» у Батюшкова или Эллисив в сагах), явно продиктована «Словом о полку Игореве».

Далее А. К. Толстой вводит в текст балладный повтор характерный, например для текстов Саути: возвратившись в Киев, Гаральд пересказывает свои победы Ярославу, прося руки его дочери.

Принципиальным моментом в превращении элегического сюжета в балладный нарратив становится и то, что А. К. Толстой дописывает финал, описывая счастливое возвращение Гаральда на родину вместе с Елизаветой Ярославной:

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, –
Все то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!

Так, он досочиняет фрагмент, которого нет в тексте переводов, однако дописывает его так, чтобы придать тексту некоторую сюжетную законченность, логичную для баллады. Лирическая композиция предполагает кульминацию чувств, балладная – кульминацию событий и последующую развязку. Для А. К. Толстого, изначально выстраивавшего текст как эпический это является принципиальным моментом. Его стихотворение сближается не с любовным посланием, а непосредственно с самой сагой о Харальде Хардраде или исторических сведениях об этом правителе.

Однако описывая эволюцию этого сюжета в творчестве А. К. Толстого важно упомянуть и другую, возможно, более важную перемену, связанную с той мотивацией, которая стоит за обращением автора к скандинавской тематике. В письме Стасюлевичу 7 февраля 1896 года он сообщает следующее «Я был приведен к этой балладе моим датским принцем в «Царе Борисе». Имеется в виду персонаж, обозначенный в афише трагедии «Христиан, герцог датский, жених царевны Ксении» [10, С. 795]. Трагедия «Царь Борис» по своему идеологическому наполнению невероятно важна для А. К. Толстого, демонстрируя его взгляды на историю России и возможные альтернативы пути ее развития. Именно несостоявшаяся свадьба Ксении и Христиана, союз между Данией и Московской Русью навели поэта на воспоминание о другом, состоявшемся браке, что и отражено в тексте трагедии. Так любовный союз начинается восприниматься как союз политический, как вариант исторического выбора, особенно актуального в период споров между «западниками» и «славянофилами». Поэтому одним из вариантов появления «скандинавских» сюжетов в произведениях А. К. Толстого стали его историософские размышления и наметившаяся полемика со славянофилами [11]. История Руси при таком прочтении оказывается частью европейской истории, связанной с ней неразрывными узами, в том числе, узами любви, подобно тем, которые связывали киевскую княжну и норвежского конунга.

Заключение

Таким образом, описывая модификацию этого устойчивого сюжета в поэзии А. К. Толстого необходимо отметить следующее.

1. Одна из главных модификаций связана с жанром. А. К. Толстой превращает любовную элегию в балладу с характерными для баллады нарративом и эпической составляющей. Значимо, что это происходит в период, когда баллада кажется уже архаичным жанром, вытесненным лирическим фрагментом и большой стихотворной формой.

2. Обращение к истории Скандинавии вообще, и к сюжету браков правителей становится первым, но не единственным. Тема эта будет поддержана в других текстах А. К. Толстого, в частности, таких как «Три побоища» и «Кануд».

3. Сюжет о Гаральде и Ярославне выходит за пределы чисто любовной элегии с ее темой любовной тоски и оказывается включен А. К. Толстым в поле его историософских рассуждений о России. Дальнейшее функционирование Северного текста и в лирике А. К. Толстого, и в более поздней поэзии Серебряного века лишь укрепит эту связь, и примеры подобного подхода можно будет обнаружить, например, в творчестве Н. С. Гумилева.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — Т. 1. А-П. — Москва, Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. — С. 90-93.
2. Гаспаров М.Л. Баллада / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — С. 69
3. Гумилёв Н.С. Баллады Роберта Саути / Н.С. Гумилёв // Роберт Саути. Баллады. Переводы под редакцией и с предисловием Н. Гумилёва. — Петроград, 1922. — С. 5-8.
4. Джаксон Т.Н. О сагах, скальдах и конунгах: избранные статьи / Т.Н. Джаксон. — М., 2021.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. — М.: Наука, 1992.
6. Ларкович Д.В. Оссианические эксперименты поэтов Львовско-Державинского кружка / Д.В. Ларкович // Михаил Муравьев и его время. Посвящение Союзу трех Поэтов: Гаврилы Державина, Николая Львова и Михаила Муравьева. — Казань, 2013. — С. 5-15.
7. Проскурин О.А. Поэзия Пушкина или подвижный палимпсест / О.А. Проскурин. — М.: Новое литературное обозрение, 1999.

8. Стеблин-Каменский М.И. Примечания / М.И. Стеблин-Каменский // Поэзия скальдов. — СПб.: Наука, 2016. — С. 131-179.
9. Стурлусон С. Круг Земной / С. Стурлусон; пер.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, И. М. Стеблин-Каменский [и др.]. — М., 1980.
10. Толстой А.К. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения / Толстой А.К. — М., 1963
11. Фёдоров А.В. «Я ведь тоже народ»: Алексей Константинович Толстой и славянофилы / А.В. Фёдоров // Литературоведческий журнал, № 1(55). — 2022. — С. 55–77

Список литературы на английском языке / References in English

1. Literaturnaya enciklopediya: Slovar' literaturnyh terminov [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms]: In 2 vol. — Vol. 1. A-P. — М., Leningrad: Publishing house of L. D. Frenkel, 1925. — P. 90-93 [in Russian].
2. Gasparov M.L. Ballada [The Ballad] / M.L. Gasparov // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. — М., 2001. — P. 69 [in Russian].
3. Gumilyov N.S. Ballady Roberta Sauti [The Ballads of Robert Southey] / N.S. Gumilyov // Robert Sauti. Ballady. Perevody pod redakciej i s predisloviem N. Gumilyova [Robert Southey. Ballads. Translations edited and with a preface by N. Gumilev]. — Petrograd, 1922. — P. 5-8 [in Russian].
4. Dzhakson T.N. O sagah, skal'dah i konungah: izbrannye stat'i [About Sagas, Skalds and Kings: selected articles] / T.N. Dzhakson. — М., 2021 [in Russian].
5. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva rossijskogo [History of the Russian State] / N.M. Karamzin. — М.: Nauka, 1992 [in Russian].
6. Larkovich D.V. Ossianicheskie eksperimenty poetov L'vovsko-Derzhavinskogo kruzhka [Ossian Experiments of Poets of the Lviv-Derzhavin Circle] / D.V. Larkovich // Mihail Murav'ev i ego vremena. Posvyashchenie Soyuzu trekh Poetov: Gavriily Derzhavina, Nikolaya L'vova i Mihaila Murav'eva [Mikhail Muravyov and His Time. Dedication to the Union of Three Poets: Gavriila Derzhavin, Nikolai Lvov and Mikhail Muravyov]. — Kazan, 2013. — P. 5-15 [in Russian].
7. Proskurin O.A. Poeziya Pushkina ili podvizhnyj palimpsest [Pushkin's Poetry or a Mobile Palimpsest] / O.A. Proskurin. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 1999 [in Russian].
8. Steblin-Kamenskij M.I. Primechaniya [Notes] / M.I. Steblin-Kamenskij // Poeziya skal'dov [Poetry of the Skalds]. — SPb.: Nauka, 2016. — P. 131-179 [in Russian].
9. Sturluson S. Krug Zemnoj [The Circle of the Earth] / S. Sturluson; translated by A. YA. Gurevich, YU. K. Kuz'menko, I. M. Steblin-Kamenskij [et al.]. — М., 1980 [in Russian].
10. Tolstoj A.K. Sbranie sochinenij v chetyrekh tomah. Tom 1. Stihotvoreniya [Collected works in four volumes. Volume 1. Poems] / Tolstoj A.K. — М., 1963 [in Russian]
11. Fyodorov A.V. «YA ved' tozhe narod»: Aleksej Konstantinovich Tolstoj i slavyanofily ["I Am Also a People": Alexey Konstantinovich Tolstoy and the Slavophiles] / A.V. Fyodorov // Literaturovedcheskij zhurnal [Literary Journal], № 1(55). — 2022. — P. 55–77 [in Russian]